

Герои носились друг за другом взапуски толком танцевальных слов и вопя чехов «Дорогой коллега, вам надо отдохнуть и

Вчера в Большом зале Консерватории выступил знаменитый грузинский дирижер Вахтанг Кахидзе. Сочинения Стравинского и Римского-Корсакова были исполнены оркестром «Новая Россия», а в начале весны Кахидзе предстал перед московскими слушателями и как композитор. О Тбилисском симфоническом оркестре, о музыкальной жизни в Грузии и о многом другом с Вахтангом Кахидзе беседовал корреспондент Газеты Илья Овчинников.

“профессию музыканта я сравниваю с наркоманией”

дирижер Вахтанг Кахидзе — Газете

Вахтанг Кахидзе: «Любой грузин сегодня должен добросовестно заниматься своим делом. Потому что дальше некуда» Фотограф: Франк Вильягра/Газета

В мартовской программе Тбилисского симфонического оркестра ваша «Рождественская трилогия» соседствовала с «Весной священной» Стравинского. Не слишком ли это смело?

Волка бояться — в лес не ходить. Изначально я настаивал на Стравинском, а из грузинской музыки можно было выбрать несколько вариантов: друзья и коллеги из Дирекции концертных программ остановились на моем сочинении. Я не сравниваю качество музыки, просто здесь есть и коммерческий расчет: в моей «Рождественской трилогии» участвует всемирно известный фольклорный ансамбль «Рустави», а также хор мальчиков. Согласитесь, был соблазн сопоставить «Весну священную» с сочинением противоположного плана.

В чем эта противоположность?

В первую очередь в функциях оркестра, ведь у меня огромную роль играет хор: он показывает все, что можно показать, из грузинских песенных традиций. А на «Весне священной» я настаивал потому, что для дирижера это одно из сложнейших произведений. Мы тогда выбрали его, чтобы оркестр себя показал в лучшем виде: в моих же сочинениях оркестровка очень проста, оркестру там почти нечего делать. Связь грузинского фольклора и «Весны священной» не случайна: когда Стравинский приезжал в СССР, то пришел в восторг от народных песен Западной Грузии. Говорил, что его творчество могло бы сложиться иначе, если бы он раньше знал эти песни.

А сейчас мы предлагаем не только Стравинского разных периодов, но еще и показываем связь учитель — ученик, поскольку в программе также «Шехерезада» Римского-Корсакова. У Стравинского я предпочитаю русский период, мы исполняем «Жар-птицу»: а из неоклассического моя любимая вещь — Симфония псалмов. В ней участвует хор, она нечасто исполняется; а состав оркестра там крайне интересный, и если у нас с «Новой Россией» есть возможность ее исполнить — нам очень повезло.

Вы уже дирижировали «Новой Россией», каковы ваши впечатления от оркестра?

Мы выступали на юбилее Юрия Абрамовича Башмета, и мне очень понравились отношения музыкантов к своей профессии. Я понимаю, что сейчас у вас такие же проблемы, как у нас, и люди зависят от денег. Однако профессии музыканта я сравниваю с наркоманией: если не получается хорошо зарабатывать, настоящий музыкант все равно останется музыкантом и посвящает себя музыке. Именно так и обстоит дело в этом оркестре, где я замечаю рост от раза к разу: состав стабилизировался, оркестр молодой и заинтересован в том, чтобы показать себя. Я очень доволен им.

Тбилисский симфонический оркестр, которым вы руководите, создавался в 1993 году, в сложные времена. На ваших улицах тогда стреляли, были проблемы с электричеством, и первые записи оркестра происходили в темноте, а музыканты играли в перчатках...

Вы очень красочно описали те дни, все так и происходило. Мне жаль, что многие негативные детали повторяются и сегодня, потому что у нас вновь нет отопления, и мне пришлось строить автономную котельную. Поэтому мартовскую программу мы готовили почти в таких же условиях — в перчатках, в шапках, в шарфах. Пол-оркестра приехали в Москву больными, некоторые не могли играть, в общем, ситуация была экстремальная. Но оркестр понимал, куда и зачем едет. Ведь это не советские времена, когда посылают на месяц в командировку — и всего четыре концерта. Сейчас график был очень жесткий. Я полтора года готовил эти гастроли и был убежден, что в Россию приехать необходимо. Нам очень важно, как оркестр оценивают здесь, — у Москвы сейчас ведущая роль в европейской музыкальной жизни. Масса интересных концертов, масса важной информации, и тут просто надо себя показать.

Правда, в Тбилиси приезжают всемирно известные музыканты, оркестр имеет возможность общаться с ними. Мы уже одиннадцать раз проводили международный фестиваль «Осенний Тбилиси», не раз выезжали за границу, но российским гастролем я придаю особое значение. Оркестру могло показаться, что мы сидим в дыре, никому не нужны. Гастроли показали обратное: мы можем претендовать на достойное место в этом бизнесе. И я очень рад.

Тбилисский симфонический вырос из знаменитого на весь СССР симфонического оркестра Грузии, которым руководил ваш отец Джансуг Кахидзе?

Отец руководил оркестром двадцать лет и воспитал четыре-пять поколений музыкантов. Но к 1993 году там создалась нерабочая обстановка: давили и на отца, и на оркестр. Отец мог либо уйти, либо провести жесткую чистку. На политической почве в оркестре произошел раскол, и о музыке уже никто не думал. Отец так работать не мог, поэтому он сказал: я ухожу создавать новый оркестр. Кто хочет заниматься только музыкой — идите со мной. И сорок восемь ведущих музыкантов ушли с отцом в Тбилисский симфонический оркестр. Сейчас в коллективе осталось три человека, не только работавшие с моим отцом, но вообще стоявшие у истоков грузинского симфонического музицирования, они играют в оркестрах лет пятьдесят. Мы их очень уважаем, и я всегда консультируюсь с ними насчет того, как и что играли раньше.

За десять лет оркестр успел сделать более сотни записей...

Нам помогла немецкая компания Mazur Media, которая привезла в Тбилиси великолепную звукозаписывающую аппаратуру; мы смогли работать над записями для Sony Classical, от которых шло субсидирование. Благодаря этой работе можно было жить: мы начали ее в 1993 году и остановились только два года назад из-за обострения ситуации на рынке. Все крупные компании сходят с ума — что писать, кого писать, как продавать, а еще переход на DVD... Но тогда они нас спасли. А потом уже нами заинтересовалось государство, и наш оркестр взял под свое крыло тбилисский муниципалитет, на бюджете которого мы сейчас находимся. Для Sony Classical мы записали практически всю классику: Чайковского, Дебюсси, Равеля, все симфонии Бетховена... только я записал двадцать пять компакт-дисков.

В чем состоит интерес Sony Classical? Ведь существует столько записей этих произведений.

Интерес был в большой степени технологический — как раз тогда происходил переход на 20 bit: сразу делается цифровая запись, цифровой монтаж, цифровое сведение. Были заказы и под конкретных солистов, сделать эти записи с нами было дешевле, чем с европейским оркестром. Мы устраивали их и по деньгам, и по качеству; сегодня нам за эти записи не стыдно. Они продаются во всем мире. Кстати, записи Канчели и Тертеряна, которые делал мой отец, попали в категорию high price recordings, поскольку это эксклюзив.

Вплоть до начала девяностых ваш отец был первым исполнителем всех сочинений Канчели. Вы унаследовали от отца дружбу с этим композитором?

Гия — мой старший друг и коллега, близкий мне человек. Он очень помог в организации московских гастролей нашего оркестра, сделал два года назад первый шаг и взял на себя роль посредника между нами и вашим Министерством культуры. Я к нему отношусь очень хорошо, а главное — он ко мне хорошо относится. Ведь не случайно на юбилее Башмета «Стух» дирижировал я: по-видимому, это полностью устраивало и Гию, и Юрия Абрамовича. А в будущем году будет семидесятилетие Канчели, и я собираюсь несколько концертов посвятить его творчеству.

Ваш оркестр много гастролирует?

Нет. У нас много дел дома, много ездить не получается. Чтобы попасть в Европу, надо оплатить туда дорогу, а за это никто не хочет браться.

Помимо Тбилисского симфонического оркестра вы руководите еще и Тбилисским музыкальным центром, который создал ваш отец. Что входит в эту организацию и чем она занимается?

Тбилисский музыкальный центр состоит из нашего оркестра, из замечательного зала и прекрасного сада — одного из историче-

ских садов Тбилиси. Идея центра в том, чтобы создать сильную и мобильную инфраструктуру классической музыки. В перспективе я надеюсь, что там постоянно будут также хор и камерный оркестр. Классическая музыка нуждается в поддержке, иначе эта культура исчезнет. Она существует в Грузии всего один век, этот огонь надо подогревать. В культурном центре я — президент и художественный руководитель. Это не только административная работа, но и определение творческой политики организации. Любый оркестр или хор может взять в аренду наш зал и провести там концерт: это могут быть и фольклорные, и джазовые коллективы. Например, трио Оскара Питерсона чувствовало бы там себя великолепно, а вот Led Zeppelin едва ли были бы уместны — исходя из специфики зала и его габаритов. Мы возьмем на себя филармоническую функцию и будем систематически заниматься организацией концертных сезонов.

В Москве остро стоит проблема репертуара, а как ее решаете вы в оркестре и в музыкальном центре?

Мы стараемся не повторять одно и то же каждую неделю и исходим из желаний слушателя, а слушатель у нас опытный. Впрочем, и его надо воспитывать. Я рад, что сейчас на концерты потянулась молодежь. Мы играем музыку любого рода: в этом году сделаем концерт из сочинений Шнитке к его юбилею. Так совпало, что Юрий Абрамович Башмет свободен 24 ноября, а это день рождения Альфреда. Собираюсь исполнить альтовый концерт и Реквием. В Тбилиси они не звучали, так что это будут премьеры, хотя Шнитке сейчас — классик уровня Чайковского. Кстати, в Тбилисской консерватории среди нот преобладают классико-романтические сочинения. Все же аудитория предпочитает именно эту музыку, и я буду стараться расширять ее предпочтения. Достал ноты Хиндемита, Шенберга, хочу сыграть скрипичный концерт Берга. У нас это звучало двадцать-тридцать лет назад. Лиана Исакадзе приезжала со своими нотами и играла с моим отцом. А ведь сейчас это стоит в одном ряду с Рахманиновым, с Бахом, время свой отбор сделало. Просто мы не располагаем нотами, и доставать их — тоже функция нашего центра.

Вы упомянули Шнитке — спрошу вас о двух музыкантах его поколения: вашими учителями были Эдисон Денисов и Николай Сидельников?

Да, это мои любимые педагоги, царство им небесное. Вот вы спрашивали про 1993 год: в Грузии происходило такое, что я лишь через два года случайно узнал о смерти Николая Николаевича. Информации вообще не было, никто не позвонил. А когда скончался Денисов, то я был в Париже и не успел на похороны; уже потом сходил на кладбище. Это два очень больших музыканта, такими личностями Россия может гордиться. Оба они дали мне так много. Ведь что такое хороший педагог? Это не только педагог в ремесле — он развивает студента всесторонне, если студент поддается и между ними возникает взаимный контакт. У нас были близкие, дружеские, коллегиальные отношения.

Причем если имя Денисова более или менее на слуху — особенно в связи с недавним юбилеем, — то о Сидельникове приходится слышать крайне редко. Я должен вам сказать, что у него есть несколько блестящих сочинений. Например, «Романсеро о любви и смерти» на стихи Лорки. Есть великолепная камерная симфония «Дуэли» и еще одно сочинение типа «Свадебки» Стравинского на фольклорные темы.

Кто-то из них повлиял на вас как на композитора?

Нет. В классе Сидельникова учились приверженцы самых разных направлений. А в Московской консерватории тогда преобладала

тенденция всех стричь под один горшок: или под Шостаковича, или под Прокофьева. У Сидельникова этого не было, он в каждом старался найти индивидуальность. Хотя была у нас, разумеется, и общая программа: уже в аспирантуре мы два года занимались оперной реформой. Шарили в библиотеке, находили партитуры времен Монтеверди, которые никто никогда не листал. Доставали записи или играли в четыре руки целыми днями. Заметив мои индивидуальные черты, Сидельников навалил на меня целый океан современной музыки. И на рубеже семидесятых-восьмидесятых я интенсивно работал в разных стилях. Но в них я себя не нашел, а скорее потерял. И вернулся к тому, что было у меня в крови, потому что надо писать то, что пишется.

В каких же стилях вы чуть не потеряли себя?

В первую очередь в додекафонии. В серийной музыке. В алеаторике. Было интересно освоить это звучание, эти приемы, но додекафония связывает, а мне хотелось быть свободнее. Был период, когда я увлекался синтезом джаза и барокко. Несколько таких сочинений стали популярными, и я стал получать новые заказы, хотя уже не собирался писать в подобной стилистике. Сейчас меня больше интересует вокальная музыка духовно-фольклорного плана. Именно такова «Рождественская трилогия», которую мы исполнили в марте. Я написал ее в 2000 году, а позже обработал для симфонического оркестра.

Изначально это был заказ для оркестра медных инструментов швейцарской армии и хора донских казаков. Я писал по-русски: скомбинировал текст из русских колыдок и работал с ужом: у меня было написано уже шестнадцать ключевых тактов. После долгих споров я настоял на участии ансамбля «Рустави», а с хором мальчиков получилось еще лучше. Это сочинялось к юбилею Рождества Христова, а поскольку сама идея христианства очень демократична, здесь поют и по-русски, и по-немецки, и по-грузински, и на латыни.

Почему подобное сочинение заказали для оркестра медных инструментов?

Вы не представляете себе, на каком уровне развита эта отрасль музыкального бизнеса. Есть звукозаписывающие компании, специализирующиеся только на подобных оркестрах, их в мире около шестидесяти, их престиж очень высок. В бюджете швейцарской армии полтора миллиона франков ассигновано только на музыку. Когда мне это сообщили, я был готов броситься с горы. Можно только позавидовать.

Вы — депутат Тбилисской городской думы. Помогает ли это вам в решении культурных задач?

Вы знаете, оказалось, что да. Я решил на это для того, чтобы защищать интересы музыкального центра и культуры вообще. Потому что ни у одной из наших политических партий в программе ни одно слово на «к» не начинается. Меня это взбесило, кто-то должен бороться. А в Думе намечены очень хорошие проекты, в которых я участвую. Мне приходится думать и о пенсиях, и о дорогах, зато меня поддержали в моем желании сделать фильм о грузинской культуре. О том, как, начиная со времен до нашей эры, формировались и развивались танец, живопись, музыка, архитектура, литература... Мне удалось собрать прекрасную съемочную группу. Материал уже почти готов, теперь надо биться за деньги, потому что после нашей революции приостановили финансирование. Я делаю это не для себя: мне хочется, чтобы мой внук мог увидеть фильм о том, где он родился, и понять, к чему это его обязывает.

Вы упомянули о революции; вы довольны ее результатами?

К счастью, все произошло намного мягче, чем могло бы. Я искренне возгордился, зная темперамент моего народа, — ведь обошлось без провокаций, ситуация была решена выдержкой и холодным рассудком. Теперь в политику приходит очень хорошее поколение — воспитанное, образованное, оно намерено дружить со всеми. Главное, чтобы нам не мешали. Любый грузин сегодня должен задуматься о будущем и добросовестно заниматься своим делом. Я настроен оптимистически, а пожелаю ли я о своих словах через два года — посмотрим. «Пускай делают что хотят» — так настраиваться сегодня нельзя. Надо помогать. Потому что дальше некуда.

газета

с Башметом на брудершафт

Дирижер, композитор и пианист Вахтанг Кахидзе родился в 1959 году в Тбилиси. С шести лет учился музыке. В 1975 году окончил Тбилисское музыкальное училище. Продолжил образование в Московской консерватории, где обучался у Эдисона Денисова и Николая Сидельникова. Дирижерскую деятельность начал в 1989 году. В 1994 году дирижировал музыкально-театральным представлением «Шехерезада» на Сантандерском фестивале искусств в Испании. В 1997 году выступил с Пражским симфоническим оркестром в Праге. С 2002 года — президент и худрук Тбилисского музыкально-культурного центра имени Джансуга Кахидзе, а также главный дирижер Тбилисского симфонического оркестра. Сотрудничает с выдающимися солистами, среди которых — Элисо Вирсаладзе, Гидон Кремер, Виктор Третьяков, Наталия Гутман, Александр Князев, Ян Гарбарек, с рядом камерных и симфонических оркестров. Работает над музыкой для кино и театра, выступает как пианист: минувшей зимой исполнил свое сочинение «Брудершафт» в дуэте с Юрием Башметом.